

Благодарности

Я с большим удовольствием выражаю признательность всем тем людям и организациям, которые помогли мне и поддерживали меня во время написания этой книги.

Я благодарна сотрудникам издательства Academic Studies Press за то, что они взялись за реализацию этого проекта, а также Илье Нахмансону за его старательный перевод и внимательное чтение. Издание этой книги на русском языке стало возможным благодаря средствам кафедры философии с особым акцентом на практическую философию ETH Zurich. Я глубоко признательна профессору Лутцу Вингерту за его открытость к философским традициям за пределами западной. Часть работы над этим переводом проходила во время моей работы в Университете Санкт-Галлена, за что я благодарю свою дорогую подругу и коллегу Анну Элзнер.

Более, чем кому бы то ни было, я обязана Эйлин Келли: ее научная добросовестность и любовь к российской философии сформировали меня как ученого. Мне бесконечно повезло, что она была моим научным руководителем и внесла ценный вклад в мою работу. Я благодарна Андре Либиху, который первым познакомил меня с историей российской философской мысли и поддерживал меня все эти годы. Рэндалл Пул благословил меня написание этой книги и внес в нее много правок, его работы высочайшего качества стали для меня источником ценного материала. Большое спасибо Робину Эйзлвуду, посоветовавшему мне заняться этой темой, и Светлане Макмиллан за ее искреннюю поддержку. Я признательна Саймону Франклину и Эмме Уиддис за содержательные и полезные замечания к этой книге. Я также благодарна Патрику Лилли Михельсону, Александру Литвинову,

Аните Шлюхтер и Елене Прибытковой, которые оказали мне большую помощь, прислав материалы для этого исследования.

Я бы хотела поблагодарить организаторов и участников различных конференций и встреч, на которых я услышала много ценных комментариев по поводу своей работы, в том числе Бристольский, Кембриджский, Лиссабонский, Лондонский и Оксфордский университеты, Университет Санкт-Галлена, Висконсинский университет в Мадисоне, Цюрихский университет и Швейцарскую высшую техническую школу Цюриха. Мне невероятно повезло получить гранты от фонда Кембриджского университета для граждан стран Британского Содружества, Кембриджского университета и Королевского колледжа, а также стипендии для молодых ученых от Швейцарской высшей технической школы Цюриха и Бранко Вайса. Более того, я выражаю признательность Кембриджскому университету, Швейцарской высшей технической школе Цюриха, университету Макгилла и университету Санкт-Галлена за предоставление мне жилья на время работы над этой книгой.

В Цюрихе мне необыкновенно повезло ощутить на себе исключительную мудрость и огромную доброту Лутца Вингерта, а также погрузиться в созданную им комфортную интеллектуальную среду. Я благодарна Виктории Ласло за ее неоценимую помощь во многих вопросах. Спасибо Фрэнсису Ченевалу и Урсу Марти, которые помогли мне в работе над этим исследованием в Монреале, и я признательна Дэниелу Вайнштоку за его гостеприимство.

Я благодарна Дженнифер Питтс из издательства Cambridge University Press, которая помогла мне понять, почему история российского либерализма так важна для либеральной традиции в целом. Спасибо Ричарду Бурку за приглашение посетить Институт исторических исследований и полученные там отзывы о моей работе. Благодаря Лиз Френд-Смит и Атифе Джива все административные вопросы, связанные с изданием этой монографии, были решены легко и без усилий. Наконец, я хочу выразить признательность всей команде, участвовавшей в работе над изданием этой книги, и ее соредктору Мартину Барру.

Я благодарю Мартина Бекштейна, Изабель Корнас, Роми Данфлуса, Рашель Делукки, Надю Эль Кассар, Флорина Ивана, Лару Койк, Ванессу Коган, Жерома Лешо, Мурин Магуайр, Кару Макмиллан, Надин Майснер, Рафаэля Майера, Сильвана Мозера, Младена Остоича, Луизу Сэйдж, Ромилу Сторйоханн и Веру Вольф за их дружбу и поддержку.

Вся научная деятельность оказывается возможной благодаря усилиям огромного количества людей, часто остающихся за кадром, которые обеспечивают доступ к информации, питание, проживание и многое другое, и я бы хотела отметить их заслуги: моя признательность — Франциску Хольцегеру, Фабьену Мюллеру, Ванаяу Нантакумару, Коринну Штеклу и персоналу образовательных учреждений Güxi Kinderkrippe, Kindergarten Erismanphof, Schule Sihlfeld, école Lajoie и CPE Frisson de Colline, которые дали мне возможность не отвлекаясь заниматься своими исследованиями.

Особая благодарность — моей семье: матери, отцу, Николасу, Эйдриану и Алексис. В заключение хочу поблагодарить тех, с кем моя жизнь связана особенно тесно: Майю, Нур, Анук и Романа. Я посвящаю эту книгу им.

Введение

Концепции либерализма в царской России

Российский либерализм, о котором идет речь в этом исследовании, является сравнительно малоизученной, но важной частью интеллектуальной истории либерального движения. Сейчас, когда эта книга готовится к публикации, международное обсуждение идей либерализма вышло за рамки научного сообщества. Судя по всему, интерес к этой теме будет только расти. С одной стороны, мы все более ясно начинаем осознавать хрупкость либерально-демократических практик и институтов (в том числе в странах с давней либеральной традицией), с другой — либерализм утвердился в качестве «лучшей из худших» политических идеологий. Обращение к истории российского либерального движения в десятилетия, предшествующие Октябрьской революции 1917 года, позволяет проникнуть в самую суть этих внутренних противоречий.

Эта книга рассказывает о том, как развивалось российское либеральное движение в течение «долгого XIX века», а точнее от царствования Екатерины Великой (годы правления: 1762–1796) до Октябрьской революции 1917 года. В ней говорится о российских мыслителях, поддерживавших идеи либерализма, и об их спорах с консерваторами и социалистами, хотя границы между этими течениями, как и во всем остальном мире, были размыты. В рамках этого исследования я нередко привожу мнения людей, которые критически относились к либерализму или даже полностью его отвергали, выступая за социализм (в его российских

версиях) или самодержавие. Хотя в этой работе достаточно подробно рассказывается о различных либеральных течениях в России в XIX веке, особое внимание я уделяю кульминационному периоду в истории российского либерализма, пришедшему примерно на 1900–1914 годы. Именно тогда он стал общественно-политическим движением, а в 1905 году была учреждена первая в России либеральная конституционно-демократическая (кадетская) партия. В этот короткий, но очень насыщенный период небольшая группа российских мыслителей, политиков и общественных деятелей, опираясь на либеральные идеи Запада, попыталась создать собственно российскую демократическую идеологию и изменить политический ландшафт Российской империи; таким образом, ответственность за трагические события Революции 1905 года частично лежит и на этих людях.

Если исходить из вышесказанного, особое внимание в этом исследовании уделяется важнейшим в последние десятилетия существования царской России фигурам российского либерализма: самому известному либеральному политическому деятелю П. Н. Милюкову (1859–1943), философам П. Б. Струве (1870–1944), С. Л. Франку (1877–1950), П. И. Новгородцеву (1866–1924), Б. А. Кистяковскому (1968–1920) и социологу М. М. Ковалевскому (1851–1916). Будучи выходцами из академической среды, эти люди стояли у истоков российского либерализма как социально-философской концепции; при этом, активно участвуя в различных политических движениях, они на собственном опыте имели возможность убедиться в том, что идея личной свободы нередко вступает в конфликт с такими понятиями, как «общественное благо», «порядок» и «справедливость». Для всех этих людей переломными моментами стали такие, как Российская революция 1905 года с ее хаосом и насилием и последовавшее за ней создание первой — пусть и несовершенной — парламентской системы в истории России. В течение этого периода их взгляды на то, как именно могла бы воплотиться в России либеральная модель общественного устройства, постоянно эволюционировали. Как мы увидим далее, именно тогда усугубились противоречия между мыслителями, считавшими, что необходимо искать баланс между личной свободой и общественным благом,

и теми деятелями, которые пытались преуменьшить важность этого конфликта, свято веря, что прогресс осуществим только при достижении личной свободы через индустриализацию, демократизацию и европеизацию.

Парадоксальным образом Россия является своего рода лакмусовой бумажкой либерализма именно потому, что российское политическое устройство исторически было авторитарным. В силу исторических причин в XIX веке в России царил самый абсолютистский режим в Европе, а бо́льшую часть населения составляли крепостные крестьяне, освобожденные только в 1861 году. Все это, безусловно, тормозило развитие либеральных идей в российском обществе. Если на Западе либералы в основном были противниками революции, то в России риторика создания правового государства нередко подразумевала под собой свержение существующего строя; иными словами, либералы оказывались в одной лодке с революционерами. Тот факт, что какие-то реформы, инициированные сверху, были успешно претворены в жизнь, а конституционализм и либеральная экономика, по мнению многих, не сулили улучшения положения российского крестьянства, убеждают нас в правоте Д. Филда, утверждавшего, что «доктрины, которые в Западной Европе естественным образом складывались в единое целое, в России конфликтовали друг с другом» [Field 1973: 60]. В силу исторического контекста российские либералы боролись за обретение гражданских и политических прав, которые, по их мнению, могли защитить общество от тирании и произвола царского правительства, но при этом, опасаясь за судьбу крестьянства, настороженно относились к таким либеральным ценностям, как индивидуализм, материализм и свободный рынок. Грубо говоря, эти мыслители всегда выступали за те свободы, которые, как они надеялись, должны были уменьшить экономическое неравенство и сплотить разрозненное российское общество.

Находясь в оппозиции к существующему режиму, российские либералы должны были защищать свои идеи и ценности особенно убедительно, четко и аргументированно. Оставленное ими интеллектуальное наследие — многогранное, разнообразное и в высшей степени содержательное — показывает, как многого

они добились на этом поприще. Вместе с тем, если говорить о чисто практических результатах, здесь возможности русского либерализма оказались сильно ограниченными. Вероятно, это можно объяснить тем, что в контексте российской истории достижение желаемого либералами разумного компромисса между соблюдением личных свобод и общественным благополучием являлось неосуществимой мечтой: так, в 1920-х годах философ Н. А. Бердяев охарактеризовал попытки кадетов установить общественный строй, основанный на верховенстве права и соблюдении гражданских свобод, как «бессмысленные мечтания» и «неправдоподобные утопии» [Бердяев 1924: 62–63].

Хотя слова «либерал», «либеральный» и «либерализм» появились в России еще в 1820-х годах, в политическом дискурсе они стали широко употребляться только во второй половине XIX века; горячим сторонником того, что эти западные идеи могут прижиться на российской почве, был видный деятель русского либерализма Б. Н. Чичерин (1828–1904). Однако с середины 1860-х годов термин «либерал» главным образом употреблялся вместе с такими словами, как «дворянский» или «буржуазный», и имел уничижительный оттенок. Главный герой романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» Евгений Базаров говорил о представителях этого сословия: «Аристократизм, либерализм, прогресс, принципы... подумаешь, сколько иностранных... и бесполезных слов!» [Тургенев 1950: 47]. В какой-то степени именно из-за этого пренебрежения, испытываемого российскими радикалами к тем, кого они называли «либералами», либерализм оформился в общественное движение только к концу XIX века¹. Даже тогда явно сочувствующие идеям либерализма кадеты — представители крупнейшей в начале XX века конституционно-демократической партии — не стремились наклеивать на себя ярлык либералов².

¹ Эта точка зрения расходится с популярным в последнее время представлением о том, что российский либерализм уходит своими корнями в начало XIX века. См., например, [Berest 2011; Shneider 2006; Шнейдер 2012].

² Впрочем, они постоянно использовали этот термин, говоря о своих политических взглядах с иностранной аудиторией.

Однако другой причиной, по которой эти мыслители и общественные деятели не спешили называть себя либералами, была их разница во взглядах относительно того, как именно трактовать такие понятия, как «свободы», «правовое государство» и «конституция», в условиях существования внутри авторитарного и бюрократического государства. Поддержка инициированных сверху реформ делала их невольными союзниками деспотического режима и самодержавного монарха, а идея о том, что создание правового государства требует свержения существующего строя, означала переход на сторону революционеров. Если под либерализмом подразумевается некий набор пришедших с Запада идей, включающий в себя принцип верховенства права, уважение частной собственности, либеральную экономику и ограничение роли государства, окажется, что российских либералов в традиционном понимании этого термина не существовало вовсе.

Эта трудность с переносом либеральных концепций на дореволюционную российскую почву проливает свет как на причины Революции 1905 года, так и на противоречивую природу либеральной философии как таковой. Пример России замечательно иллюстрирует фундаментальный недостаток либерализма, а именно то, что различные ценности, в защиту которых выступают либералы, например соблюдение порядка и законности, могут конфликтовать (иногда самым решительным образом), что становится очевидным, когда эти идеи реализуются на практике. Данное исследование эволюции российского либерализма (и как философского направления, и как политического движения) следует рассматривать как часть более широкого обсуждения того, как именно такие основополагающие либеральные идеи, как свобода, прогресс и права человека, находят свое воплощение в тех или иных политических обстоятельствах. Эта работа опирается на новейшие академические исследования, в которых либерализм трактуется как смешение различных недогматических концепций и стремление разрешить практически непреодолимые противоречия (например, между уважением прав человека и принципом невмешательства или между общественным

благосостоянием и индивидуализмом); при этом принимается, что реализация либеральных идей на практике неизбежно обусловлена культурно-историческим контекстом эпохи. Такой подход дает возможность проникнуть в суть российского либерализма глубже, чем подход тех исследователей, которые недооценивали важность этих внутренних противоречий между различными либеральными ценностями. Кроме того, благодаря этому можно понять, насколько тонкой является нить, связующая все эти либеральные идеи и понятия.

Как уже говорилось выше, Россия традиционно не ассоциируется с либерализмом; напротив, принято считать, что российские мыслители были, скорее, носителями идей социального утопизма и враждебно относились к концепции правового государства. Однако, как показывает это исследование, при всех трудностях с переносом идей либерализма на российскую почву, связанных в том числе и с появлением новых слов, многие течения российской общественной мысли и дискуссии, возникавшие между их представителями, в значительной степени испытали влияние либеральных теорий, проникших с Запада. Несмотря на то что в России мало кто из философов и общественных деятелей открыто называл себя либералом, именно либерализм играл ключевую роль в российской политической деятельности дореволюционного времени. Горячо обсуждалась основополагающая либеральная идея о признании за всеми людьми равной моральной ценности, однако оппонентам так и не удалось договориться о том, какой именно должна быть исходящая из этого принципа социально-экономическая модель государства³. Либеральные идеи прогресса и совершенствования завораживали российских мыслителей, спорящих о том, следует ли России гнаться за Западом⁴. Российские либера-

³ О последних исследованиях российской интеллектуальной традиции в отношении концепции человеческого достоинства — еще одного из важнейших аспектов либерализма — см., например, [Hamburg, Poole 2010; Kelly 1998].

⁴ Под Западом здесь понимаются Западная Европа и Северная Америка; именно в таком значении этот термин использовался российскими мыслителями и общественными деятелями, о которых идет речь в этой книге.

лы пытались использовать такие связанные с либерализмом институциональные практики, как конституционализм, верховенство права, демократия и свобода прессы, для усиления своего политического влияния, однако в итоге именно они приблизили крах Российской империи. Рассматривая либерализм как набор концепций, одни из которых могут быть при определенных условиях принесены в жертву в угоду другим, можно лучше понять, как именно те или иные либеральные идеи и практики то теряли свою значимость, то вновь ее обретали в российских реалиях того времени.

Эта книга является своего рода анатомическим исследованием специфического российского либерализма и попыткой вписать его в мировую историю либерализма. Идеи западных интеллектуалов, воспринятые и переработанные российскими мыслителями, иногда приводили к неожиданным результатам. Так, в 1840-х годах западники использовали западные либеральные теории как доказательство правоты Гегеля, утверждавшего, что «всемирная история есть прогресс в сознании свободы» [Гегель 2000: 72]. Другой пример — народники, в частности П. Л. Лавров (1823–1900) и Н. К. Михайловский (1842–1904), которые интересовались либеральной теорией, в основе коей лежало представление о позитивной и негативной свободе, однако считали, что социальная несправедливость в России того времени была так велика, что противостояние ей представлялось им более важным делом, чем борьба за личные и политические свободы. Кроме того, на мой взгляд, некоторые направления российской либеральной мысли заслуживают большего внимания со стороны мировой общественности, в частности, я имею в виду таких столпов неоидеализма, как П. И. Новгородцев (1866–1924) (ему до сих пор не посвящено ни одного масштабного англоязычного исследования) и Б. А. Кистяковский (1868–1920), которые не только внесли большой вклад в теорию права, но и пытались реализовать некоторые ее положения в государстве, каковое вряд ли можно было назвать правовым. Их интеллектуальное наследие, с одной стороны, является для нас ценным источником информации, с другой — показывает,

что догматическое следование либеральным теориям приводит к их слабой реализации на практике.

Наконец, показывая внутреннее устройство сложной и фрагментированной природы либерализма, эта книга вносит вклад в такое стремительно развивающееся научное направление, как интеллектуальная история. На примере России хорошо видно, сколь неоднороден либерализм как таковой: российские мыслители, обращаясь к трудам западных философов в поисках теоретических и практических истин, находили в них массу противоречащих друг другу мнений относительно того, в чем заключается первоочередная задача государства: обеспечении и стимулировании социально-экономического благополучия своих граждан, защите принципов демократии или гарантировании гражданам свободы, природу которой (позитивную или негативную) еще предстояло установить, при этом они брали из традиционных либеральных идей то, что казалось им полезным. Одной из причин, по которой они считали вправе так поступать, была их основанная на опыте стороннего наблюдателя уверенность в том, что, если концепции либерализма, относившиеся к человеческой природе, правам и свободам, имеют универсальный характер, эти идеалы или формы, такие как «естественное право», могут быть реализованы только в рамках конкретной историко-культурной традиции. Это привело к тому, что некоторые из этих мыслителей примкнули к тому течению либеральной мысли, которое провозглашало своей целью борьбу за права и свободы в сложившихся политических условиях и настаивало на том, что не существует универсального метода разрешения конфликта между личной свободой и общественным благополучием.

Однако эта гибкость в вопросах теории приводила и к практическим трудностям. Из-за политического устройства России невозможно было одновременно культивировать и поддерживать такие важнейшие либеральные идеи, как ограничение власти правительства, неприкосновенность частной собственности и личная ответственность; в результате российское либеральное движение с самого начала было лишено единства и цельности.

1. Западные теории

Хотя внутренние противоречия, содержащиеся в самом определении такого явления, как либерализм, иногда представляют для исследователей чисто академический интерес, в случае России различные виды и конкурирующие концепции либерализма играли важнейшую роль в развитии общественной мысли⁵. Все то, что Дж. Грей назвал «неоднородными, случайными, различными и обусловленными историческим контекстом идеями многих мыслителей, безо всякого разбора объединенными общим словом “либерализм”», чрезвычайно волновало российских философов и общественных деятелей, пытавшихся применить эти теории в российских реалиях [Gray 1989: 262].

В самом деле, любая попытка перенести западный либерализм, то есть набор идей, прочно ассоциирующийся с Западом, на другую почву неизбежно приводит к трудностям терминологического свойства. Отчасти это связано с тем, что философ Б. Уильямс назвал «постоянным риском» конфликта ценностей, который возникает из-за того, что такие понятия, как «свобода» и «равенство», понимаются людьми по-разному [Williams 2001: 95]⁶. В течение двух последних столетий многие мыслители, чьи имена ассоциируются у нас с либерализмом, прилагали огромные усилия для того, чтобы разрешить противоречия между уважением прав человека и принципом невмешательства, а также коллективными и личными интересами и понять, как именно все это влияет на формирование тех или иных общественных практик и институтов. В результате везде, где получили распростра-

⁵ Статья в Стэнфордской философской энциклопедии, посвященная либерализму, начинается со следующих слов: «При ближайшем рассмотрении становится очевидным, что либерализм представляет собой фрагментированный набор взаимосвязанных, но иногда конкурирующих концепций» [Gaus et al. 2015]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/liberalism/> (дата обращения: 19.01.2024).

⁶ Разделяемая меньшинством исследователей точка зрения, что различные либеральные ценности могут гармонично дополнять друг друга, представлена, например, в [Dworkin 2001].

нение либеральные идеи, либерализм сформировался под влиянием того или иного политического и культурного контекста.

Хотя в последнее время о либерализме принято говорить, как о «по существу оспариваемой концепции» [Gallie 1956], а не единой доктрине, все же можно вычленить несколько повторяющихся в той или иной форме у различных мыслителей постулатов, которые позволяют говорить о существовании единой традиции либерализма. После Великой французской революции сформировалась фундаментальная идея либерализма о том, что главенствующая роль в политической жизни общества принадлежит отдельным личностям, а не социальным группам; сторонники этого течения, убежденные в том, что каждый человек должен иметь возможность полностью реализовать свой потенциал, выступают за узаконенное юридическое и политическое равенство (позднее возникло движение и за экономическое равенство); эта либеральная модель выстроена вокруг идеальной фигуры самостоятельного субъекта, который не нуждается в указаниях сверху и сам принимает все решения, определяющие его жизнь; терминология этой концепции универсальна, так как предполагается, что универсальны и сами либеральные и моральные человеческие ценности; как правило, этими ценностями объявляются такие, как толерантность, автономия и делиберативность. Если выбирать чуть менее позитивистский подход, можно сказать, что либералы выступали за равенство, социальную и политическую эмансипацию угнетенных слоев населения в обществах со схожими запретами и иерархией. Кроме того, они склонны были утверждать, что сформировавшиеся в их культурной среде представления, ценности и практики должны лечь в основу общечеловеческой цивилизации, что история доказывает правоту их концепции свободы и что все, кто не разделяет их утверждения, либо заблуждаются, либо лишены морально-нравственных ориентиров⁷. Некоторые направления либерализма подвергались

⁷ Об этих малоприятных аспектах истории либерализма см. [Losurdo 2005]. О концепциях либерализма см. [Gray 1986; Ryan 2007: 361–362; Pitts 2011; Lilla 2012].

критике из-за их нежелания учитывать социальную и эмоциональную зависимость людей друг от друга, чрезмерного индивидуализма и оторванности от реальной жизни⁸, при этом, какими бы ни были расхождения между теми или иными либеральными идеями, либерализм всегда антропоцентричен, то есть всегда ставит во главу угла интересы и благополучие человека (а не, скажем, животных) [Wissenburg 2006]. По всем этим причинам, хотя и невозможно свести идеологию либерализма к какому-то единому набору теоретических постулатов и их применению на практике, все равно понятно, что подразумевается под термином «либерализм», и не составит труда перечислить те идеи, которые А. Вольф называл характерными либеральными «концепциями мироустройства» [Wolfe 2009]⁹.

Что касается российских либералов, хотя они в целом сходились друг с другом в оценке фундаментальных либеральных принципов, между ними были сильные разногласия относительно того, какими должны быть социальные, экономические и культурные условия, необходимые для самореализации и преуспеяния человека, поскольку здесь речь идет уже не о догматических установках, а о «по существу оспариваемых концепциях», то есть о балансе между позитивной и негативной свободой. Российские мыслители изучали историю либеральных идей во всей ее полноте и, как и сторонники, а также противники либерализма на Западе, находили ее истоки в самых разных политических учениях прошлого, вычленив либеральные концепции в трудах даже тех философов, которых трудно причислить к числу подлинных либералов. Они читали книги тех, кого, хотя это совершенно несхожие между собой авторы, принято называть основоположниками «либеральной традиции»: Дж. Локка, А. Смита, И. Канта, Дж. Милля и Т. Грина, но все

⁸ Обзор коммунитаристской критики либерализма (в частности, со стороны таких фигур, как А. Макингайр, М. Сэндел и Ч. Тейлор) см. в [Neal, Paris 1990]. Феминистскую критику либерализма см., например, в [Nussbaum 1999; Okin 1994].

⁹ Цит. по: [Pitts 2011: 8].

равно не могли решить одну очень важную проблему: с позиции либерализма невозможно было прийти к единой точке зрения относительно того или иного элемента политического устройства; в реалиях царской России, где социальные и политические условия сильно отличались от того, что было на Западе, эта проблема стояла особенно остро.

Кроме того, существовали и трудности с терминологией: слово «либерал» само по себе предполагает некоторую двусмысленность. Первоначально оно ассоциировалось с широтой взглядов, великодушием, терпимостью и свободой от предрассудков, но затем стало обозначать человека, выступающего за гражданские свободы и политические права¹⁰. Однако путаница со словом «либерализм» и его производными имеет не только терминологический характер: в 1856 году Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин (1818–1895) и Н. А. Мельгунов (1804–1867) опубликовали статью, в которой назвали либерализм лозунгом «всякого образованного и здравомыслящего человека в России»¹¹; в 1859 году П. В. Анненков (1813–1887), которого тоже иногда причисляют к либералам, жаловался в письме к И. А. Тургеневу, что либерализм стал словом, которым прикрываются власть имущие, преследующие личные цели («порядочному человеку стыдно в наше время называться либералом») [Анненков 2005, 1: 71; Field 1973: 59]; в 1905 году П. Н. Милюков, самый известный российский либеральный политический деятель, утверждал: программа [его] партии являлась «несомненно, наиболее левой из всех, какие предъявляются аналогичными нам политическими группами Западной Европы»¹². Противоречия, содержащиеся в этих утверждениях, отчасти являются следствием того, что либеральные концепции свободы и индивидуализма привели к возникновению самых разнообразных и непохожих друг на друга моделей социального и экономического устройства общества.

¹⁰ См. в Оксфордском словаре [Simpson, Weiner 1989: 881–882]. Об истории термина «либерализм» см. [Leonhard 2001; Sauvigny de Bertier, de 1970].

¹¹ Цит. по: [Герцен, Огарев 1974, 1: 110].

¹² См. [Милюков 1907а: 101].

1.1. Личность

Все течения либерализма, как и любые другие направления политической философии, исходят прежде всего из некоего представления о человеке и его возможностях. Как писал Дж. Грей, «любая концепция о ценности свободы должна являться частью более общей нормативной теории и основываться на определенных представлениях о человеческой природе или каких-то важных принципах устройства человеческого общества» [Gray 1984: 3]. Дж. Сигал выделил три различные (но взаимосвязанные) концепции личности, которые легли в основу важнейших либеральных течений и оказали влияние на российских мыслителей. Согласно первой, личность является эмпирическим существом с определенными физическими и телесными потребностями, действующим в соответствии со своими желаниями, нуждами и душевными порывами; вторая рассматривает личность как рефлексирующую сущность, способную абстрагироваться от своей телесной оболочки и социальных связей и критически взглянуть на самое себя, тем самым принимая участие в собственной самореализации; согласно третьей, личность предстает как результат множества социальных и культурных взаимодействий, имеющий общие индивидуальные черты и ценности с другими участниками этого процесса [Seigel 2005: 3–44].

Говоря об эмпирическом подходе, я имею в виду те теории личности, в которых делается акцент на чувственном опыте, эксперименте и наблюдении. Первые труды в рамках эмпирической теории появились в XVII веке, особо важное место здесь принадлежит Дж. Локку (1632–1704) и его учению о личности. Локк противопоставил свою позицию воззрениям картезианцев, считавших, что человек появляется на свет с врожденными идеями, которые могут быть постигнуты отдельно от чувственного опыта¹³. Опираясь на эмпирически-индуктивный метод,

¹³ Наиболее полно учение Локка о личности изложено в его «Опыте о человеческом разумении» [Локк 1985, 1]. Подробнее об этом см. [Dunn 1984: 63–64, 68–70; Simmons 1992: 14–67].

Локк утверждал, что ключевую роль в познании играет опыт, а человеческое тело является инструментом, с помощью которого личность совершает рациональный выбор. Согласно Локку, рациональное сознание имеет универсальный характер благодаря тому, что оно связано с повседневным телесным существованием конкретного человека; как писал Дж. Йолтон, локковская личность всегда пребывает внутри телесной оболочки и никогда — вне ее [Yolton 1970: 150–151].

Эмпиризм Локка отрицает первичность разума перед ощущением, утверждая, что между ними существует равновесие. Хотя внешний опыт играет важную роль в формировании личности, разум, которым обладает человек, позволяет ему контролировать свои животные потребности и нивелировать значение социальных факторов, благодаря чему граждане становятся более счастливыми и начинают вести более нравственный образ жизни. Согласно Локку, объективные нравственные принципы, постигаемые разумом, служат гарантией того, что свобода не превратится во вседозволенность¹⁴. Разум дает возможность человеку постичь свои естественные права и возложенные на него ограничения, призванные обеспечить равные права для всех. На этих принципах и построено учение Локка об ограничении государственной власти, о разделении властей, праве на частную собственность, веротерпимости, свободе совести и об отделении церкви от государства.

Эмпиризм привлекал российских мыслителей тем, что, во-первых, предлагал прагматический и индуктивный метод для достижения нравственных идеалов, во-вторых, виделся им противоресом эсхатологическим и утопическим, на их взгляд, идеям,

¹⁴ Согласно Локку, следование собственному суждению, основанному на принципах морали, «не есть ограничение свободы. Это не только не ограничение или уменьшение свободы, а, наоборот, подлинное ее совершенствование и благо» [Локк 1985, 1: 314]. В «Двух трактатах о правлении» Локк пишет, что разум дан Господом, «чтобы он был законом между человеком и человеком и общей связью, посредством которой человеческий род объединен в одно товарищество и общество» [Локк 2020: 397].

связанным с марксизмом и левым гегельянством¹⁵. Помимо этого, эмпиризм был близок российским либералам времен царствования Николая II, в частности Милюкову, пытавшемуся создать «эмпирически-позитивистскую» концепцию либерализма, которая соединила бы в себе индивидуальное и универсальное начала¹⁶. Если убежденность Локка в том, что личность должна развиваться без вмешательства со стороны государства или других людей, имеет негативистский характер, его учение предполагает и позитивистский подход: так, свобода достигается через нравственное самосовершенствование человека посредством исполнения разумных обязанностей. Эта необходимость соблюдать баланс между нравственной составляющей свободы и правами личности, данными человеку от природы, стала важным аргументом в защиту как позитивной, так и негативной свободы; в результате обе эти концепции свободы сыграли очень важную роль в истории российской либеральной мысли.

В отличие от Локка с его эмпиризмом, И. Кант (1724–1804), рассуждая о личности, отмечает прежде всего ее способность к рефлексии¹⁷. Представление Канта о личности как о свободной рефлексирующей сущности, действующей, скорее, в соответствии с нравственным законом, а не под воздействием каких-то материальных потребностей или желаний, оказало огромное влияние на всю российскую философскую мысль в целом и российский либерализм в частности, в основе которого нередко было именно кантианство.

Наибольший вклад в российский либерализм внесли рассуждения Канта о взаимосвязи таких понятий, как «разум», «свобода» и «мораль»¹⁸. Кант писал о том, что разум является способностью,

¹⁵ О том, как современные исследователи оценивают либерализм локковского толка, см., например, [Lazar 2009]. О связи между эмпиризмом и либерализмом у А. И. Герцена см. [Kelly 1999: 17–46].

¹⁶ Терминология Р. Пула. См. его предисловие к сборнику статей по российской социальной философии [Poole 2003: 4].

¹⁷ Сравнение учений Локка и Канта о личности см. в [Wood 1972: 47–73].

¹⁸ Подробнее об этом см. [Taylor 1984: 100–122; Frierson 2003; Guyer 2000: 235–261]. Наиболее полно феноменология Канта изложена в его «Антропологии с прагматической точки зрения» (1798) [Кант 2023].

позволяющей человеку осознать его моральную обязательность и дающей ему принципы априорного познания, при этом человек обладает свободой воли в том смысле, что может совершать поступки, действуя в соответствии с нравственным законом (*das Sollen*¹⁹), постигнутым им благодаря разуму. Заложённая в людях возможность быть рациональными, нравственными и свободными существами придает им, по Канту, абсолютную ценность и наделяет их особым положением и достоинством; человек, согласно его знаменитому определению из «Основоположений к метафизике нравов» (1785), «существует как цель сама по себе, а не только как средство» [Кант 1997]. Кантовское толкование свободы подразумевает под собой ее потенциальную универсальность: теоретически каждый человек может стать свободным с помощью своего разума.

Кант не только понимал свободу как обязанность подчиняться самостоятельно постигнутым нравственным законам, но и был одним из первых мыслителей, проводивших различие между негативной свободой — «свободой от», то есть отсутствием принуждения, и позитивной — «свободой для», то есть возможностью действовать по собственной воле [Caygill 1995: 207–208; Frierson 2003: 13–30]. Кантовское представление о человеке как о независимой личности, свободной и от оков общества, и от внутренних противоречий, действующей согласно велениям разума, прочно вошло в либеральную традицию как идеал позитивной свободы. Кант много рассуждает об обеих концепциях свободы в своих трудах по политической теории, утверждая, что любые ограничения свободы, налагаемые законом, должны вытекать из априорных принципов, постижимых разумом. В свою очередь, независимость, гарантированная законом, должна привести человека к осознанию того, что свобода — это право быть автономным, действовать по своей воле и полностью раскрыть потенциал собственной личности. Иначе говоря, наличие гражданского общества и закона создает эмпирические условия, необходимые для того, чтобы человек сформировался как автономное нравственное существо.

¹⁹ Долженствование (нем.). — Примеч. пер.

Кант считал, что априорные нравственные принципы, постижимые с помощью разума, связывают нас с ноуменальным²⁰ миром и служат доказательством существования метафизических «постулатов» — свободы, Бога и бессмертия. Он всегда утверждал, что сверхчувственный мир непознаваем, однако высказанное им в «Критике способности суждения» предположение о том, что природа обладает некоей целесообразностью, которая может помочь людям прийти к пониманию нравственной свободы, оказало огромное влияние на восприятие этих идей российскими мыслителями [Кант 1994, 5]²¹. Как правило, российские либералы-неоидеалисты связывали кантовский персонализм с религиозным восприятием трансцендентной онтологической реальности и выстраивали собственные концепции правового государства, опираясь именно на эти теоретические принципы.

Многие критики философии Просвещения (главным образом И. Бёрлин, а также коммунитарянцы и постмодернисты) писали о том, что концепция свободы, построенная на том, что естественные человеческие желания и порывы имеют рациональную и нравственную природу, порочна сама по себе²². Если люди оказываются не в состоянии справиться со своими чувствами и порывами, может случиться так, что их заставят осознать нравственный закон извне, тогда свобода превратится в принуждение. Как правило, российские последователи неоидеализма, в отличие от Бёрлина, не разделяли той точки зрения, что свобода (в понимании Канта) является субъективным понятием²³. Пытаясь разрешить внутреннее противоречие теории Канта между рациональной личностью, которая сама формулирует

²⁰ Ноумен (*греч.* νοούμενον — «мысленное, умопостигаемое») — предмет внечувственного созерцания, непознаваемая (по Канту) «вещь в себе». — *Примеч. ред.*

²¹ См. главу 2 (раздел 2.2).

²² См., например, «Две концепции свободы» И. Бёрлина, см. также [Бёрлин 1992; Todorov 2009: 25–40; Foucault 1984: 32–50; Taylor 1989: 3–107].

²³ Мнения современных исследователей по этому вопросу см., например, в [Flikschuh 2007: 25; Poole 2006a: 78].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru